

Холодная ладонь Фу Сыюаня легла на щеку юноши. Он медленно погладил её и перевёл взгляд на влажные от вина губы.

— Пил? М-м?

Гу Чэньюй ковырял пальцами друг друга.

— Ну... совсем чуть-чуть. Ик.

Икнув, он заморгал и снова застыл.

Вдруг тело стало невесомым. Фу Сыюань наклонился, поднял его на руки и хотел поцеловать уголок губ, но юноша отвернулся и забормотал:

— Не целуй меня. Я мужчин не люблю.

Взгляд Фу Сыюаня потемнел, а рука на тонкой талии резко сжалась.

— Не любишь мужчин? Тогда кого любишь? Лю Шияо? Линь Ся? Сун Инъэр?

Гу Чэньюй не ответил. Он привалился к нему и тихо что-то бормотал себе под нос.

Фу Сыюань беспомощно сел на край кровати, так и не выпуская его из рук. Гу Чэньюй же не желал сидеть спокойно и упорно рвался на постель. Наконец он всем телом зарылся в одеяло.

— Не вертись.

— ...Буду. Буду вертеться.

Гу Чэньюй медленно, кое-как стаскивал с себя одежду, невнятно бормоча.

Фу Сыюань больше не мог сдерживать сердцебиение. Он коленом забрался на постель, прижал человека к себе и вдохнул полный аромат вина.

— Плохой ребёнок.

Гу Чэньюй машинально поскрёб мозоли на пальцах и шмыгнул носом.

— Кто плохой? Я не плохой!

— Хорошо-хорошо. Ты не плохой. Ты самый хороший.

От похвалы Гу Чэньюй немного смутился и уткнулся лицом в подушку.

— Ну... не всегда...

Потеревшись о неё, он снова поднял голову и улыбнулся. Волосы растрепались, щёки пылали от вина.

— Ты... ты тоже хороший.

— Я тоже хороший.

— Мы... мы с тобой самые лучшие на свете!

Юноша пару раз попытался вывернуться из объятий. Изо всех сил отодвигая Фу Сыюаня, он невнятно произнёс:

— ...А-Тан, можешь заключить со мной Договор Единого Сердца?

Сердце Фу Сыюаня вспыхнуло жаром.

— Договор Единого Сердца? Зачем?

Его ладонь скользнула по тонкой спине вниз и остановилась у поясицы. От прикосновения Гу Чэньюй вздрогнул всем телом.

— Не трогай меня... Потому... потому что...

Юноша замялся. Глаза, затянутые пьяной дымкой, смотрели на него из-под влажных ресниц необычайно мягко.

— Из-за... братской любви.

Фу Сыюань нарочно слегка надавил пальцами. Гу Чэньюй дёрнулся, неудобно зашевелился и проворчал сквозь сбившееся дыхание:

— Ты... ты зачем меня трогаешь...

Свеча погасла.

Фу Сыюань смотрел на покрасневшие уголки его глаз. Несмотря на раздражение, сердце снова размякло. Голос его оставался неторопливым:

— Это не я.

— Ты! Это же твоя рука!

— Тогда и А-Юй может потрогать меня в ответ. Мы же братья.

Гу Чэньюй не стал церемониться. Тёплая ладонь легла на грудь близкого друга, несколько раз сжала мышцы, а потом юноша уныло посмотрел на себя.

— ...А почему у меня так нет?

Холодные пальцы Фу Сыюаня погладили его покрасневшую мочку уха, похожую на красивую бусину агата.

— А-Юй помнит кисточку на мече, которую так любил в прошлой жизни?

— Помню... Она ведь потерялась?

— Я её забрал. Ты каждый день носил её с собой и слишком часто на неё смотрел. Я ужасно ревновал.

Зрачки Гу Чэньюя резко сузились. В затуманенной вином голове мелькнули разрозненные картины: Фу Сыюань мягко завязывает ему волосы; поцелуй, украденный, когда Гу Чэньюй задремал над древней книгой; Фу Сыюань не отходил от него ни на шаг, когда его меридианы были разорваны.

— А-Тан...

Последний звук исчез в горячем поцелуе. Его запястье прижали к постели, пальцы Фу Сыюаня переплелись с его пальцами без единого зазора.

Фу Сыюань коснулся его дрожащих губ и хрипло произнёс:

— Желаю навеки соединить сердца и до седых волос не разлучаться.

Между губами появился металлический привкус крови. Гу Чэньюй сбился с дыхания, а духовные силы обоих переплелись.

Духовная ци Гу Чэньюя была обжигающе горячей, у Фу Сыюаня — ледяной. Смешавшись, они вместе опустились в дантянь.

Полог кровати сам собой зашевелился, хотя ветра не было. По меридианам побежали золотые узоры договора, ярко проступившие на светлой коже, а после заключения Договора Единого Сердца растворились в крови.

В глазах Фу Сыюаня клубилась тьма.

Гу Чэньюй казалось, будто на его внутренности легли раскалённые цепи. Он услышал собственный сорвавшийся звук, но следующий поцелуй тут же его заглушил.

— В этой жизни и в этом мире наши сердца едины.

— Один договор — одна клятва. Я не изменю ей.

После нескольких поцелуев Гу Чэньюй совсем обмяк. Алкоголь потянул его в сон, веки медленно сомкнулись.

— Фу... Сыюань... твоя нефритовая подвеска... давит на меня...

Фу Сыюань поднял прядь его волос и поцеловал её, вдыхая запах.

— Это не нефритовая подвеска.

—

Гу Чэньюй уже спал.

Линлинци, ставший свидетелем того, как именно Гу Чэньюй выполнил задание, молчал.

Гений!

Он и правда гений!

Он же знал, что Гу Чэньюй способен на невозможное!

Хе-хе. В следующий раз сделает так же.

Гу Чэньюй и сам не понял, когда проснулся. Окно было наполовину открыто, а солнце уже стояло высоко.

Он уставился в знакомый полог, некоторое время тупо моргая. Потом пошевелился, почувствовал, что всё тело неудобно затекло, и только тогда заметил: обе руки Фу Сыюаня лежат поперёк его талии, крепко удерживая на месте.

Гу Чэньюй:

— ?

Одежда и на нём, и на лучшем друге была растрёпана, а пояса обоих вообще куда-то исчезли.

Душа Гу Чэньюя едва не вылетела из тела.

Он торопливо подтянул штаны, запахнул одежду и принялся искать по всей кровати и полу пояс.

Я ночью воровал?

Почему мы с А-Таном спим в одной постели?

Неужели я опять ходил во сне?

Почему я вообще ничего не помню?..

Руки юноши замерли. Он поспешно задрал одежду и осмотрел себя.

Живот и грудь были чистыми. Кроме нескольких красных следов от того, что он отлежал кожу, ничего необычного не было.

Фух. Хорошо-хорошо. Пьяным ничего не натворил.

Потом Гу Чэньюй будто вспомнил нечто ещё. С обречённым видом он на секунду заглянул за пояс и с облегчением выдохнул.

Хорошо-хорошо. Достоинство цело.

Фу Сыюань открыл глаза как раз в тот момент, когда Гу Чэньюй приподнял одежду, открыв гибкую талию со следами поцелуев. Его кадык дважды дёрнулся.

Он протянул руку, опустил ткань и лениво прислонился к плечу юноши.

— А-Юй, проснулся?

Гу Чэньюй застыл и деревянно повернул голову.

— У... угу...

— Голова болит?

— Нет.

Фу Сыюань поправил на нём ворот.

— Эти два дня лучше не выходи на палубу. После похмелья легко простыть. Послезавтра корабль уже должен прибыть в Юнчжу.

Гу Чэньюй не смотрел на него и ответил тихо:

— Понял. Давай сначала встанем.

— Я велю принести тебе горячей воды.

Как только Фу Сыюань вышел, Гу Чэньюй тут же набросился на Линлинци.

— Старший! Старший! Я ночью ничего странного не сделал? Я что-нибудь сделал с А-Таном?

Линлинци ответил с видом праведника:

— Ты не только лапал его как хотел, но ещё и силой удерживал рядом, а потом заставил заключить с тобой Договор Единого Сердца.

Ещё позволил ему целовать талию и ноги.

— Ты так жалобно плакал — ради задания вообще ни перед чем не остановился. Горло чуть не сорвал.

Гу Чэньюй потрясённо рухнул обратно на кровать с выражением абсолютного отчаяния.

— Моя безупречная репутация! Мой образ надёжного, высокого и могучего мужчины! Всё уничтожено...

Протестую!

Репутация Лун Аотяня жестоко пострадала.

Стоп.

Юноша вдруг пришёл в себя.

— Старший, половина вины ваша. Вы вчера обманом заставили меня пить!

Линлинци посмотрел на Гу Чэньюя, который выглядел так, словно у него умерли все родственники.

— Ой, да что ты начинаешь? Где я тебя заставлял? Сам жадничал. Зато задание выполнено.

Задание...

Мысли Гу Чэньюя вернулись в нужное русло.

Ну ладно. Тогда не совсем в убыток.

Всё равно я ничего не помню.

Не помню — значит, ничего не было.

Точно.

Так и есть.

<http://bllate.org/book/19829/1959945>